

Важнейшим событием нашей истории, раскрывающим смыслы русской цивилизации, является эпоха царствования Петра Великого: Петровские реформы и провозглашение России Империей.

Об эпохе и личности государя Петра Алексеевича нелегко писать, поскольку приходится сталкиваться с множеством стереотипов восприятия личности и понимания сути преобразований первого Русского Императора. К сожалению, и в церковном, и в общественном мнении у нас уже укоренилось негативное отношение к царю-преобразователю, заложенное славянофилами и церковными писателями XIX века, продолженное затем в отечественной публицистике эмиграции. Дело дошло до того, что Петра Великого умудряются обвинять даже в революции 1917 года. Знаменитый поэт Максимилиан Волошин назвал Петра «первым русским большевиком», а философ Николай Бердяев «большевиком на троне». И эти оценки людей, которые сами немало сделали для подготовки революции, с тех пор постоянно воспроизводятся даже в серьёзной литературе в качестве экспертных мнений.

Синодальное устройство нашей Церкви, при котором она просуществовала двести лет, искажается и прямо-таки демонизируется, представляется чуть ли не как эпоха деградации Церкви, упадка церковности. И причины этого видят именно в Синодальном устройстве. Я сам долгое время находился в плену этих славянофильских стереотипов, считал Петра Алексеевича революционером на троне, западником, насаждавшим чуждые порядки, уничтожавшим всё русское в угоду европейскому и т.д. и т.п. Усомнился в этом стереотипном образе первого русского императора, когда случайно на глаза попало описание того, как происходило провозглашение России Империей.

Как известно, в 1721 году после победы над Швецией в тяжелейшей Северной войне собравшиеся на торжества представители церковной и государственной элиты провозгласили Петра Алексеевича Великим, Императором и Отцом Отечества.

Удивление моё вызвали два обстоятельства. Во-первых, в ответной речи Пётр Великий заговорил вдруг не о задачах будущего, а решил объяснить своим помощникам смысл им содеянного: **«чтобы с нами не стало как с империей Греческою»**. В 1721 году царь вспоминает события 1453 года, падение Константинополя! Меня поразила эта геополитическая глубина Царя-Преобразователя, – он вспоминал события почти трехсотлетней давности, мыслил такими глобальными категориями! Какое тут западничество?! Какой это «большевик на троне»?! Это стало для меня шоком, каким в своё время стало знакомство с обращением И.В. Сталина по случаю победы над Японией, точнее слова советского Вождя: «Сорок лет ждали мы, люди старшего поколения, этого дня». Такое же нарочитое геополитическое мышление великого государственника.

Во-вторых, меня удивил выбор дня, когда происходило это историческое событие провозглашения царя Петра императором. Напомню, Ништадтский мирный договор подписали 31 августа 1721 года в день памяти прп. Александра Свирского, в этот день через несколько лет в новую столицу России по повелению Петра Алексеевича перенесли мощи благоверного Великого князя Александра Невского, – с тех пор этот день стал праздничным в Российской Империи («Александров день», день кавалеров ордена св. блгв. кн. Александра Невского), как и сегодня в Санкт-Петербурге. Вероятно, в России стало известно о согласии шведов на подписание условий мира через несколько дней. Торжества же проходили не сразу, а позднее. И в день памятный для русской истории – 22 октября, т.е. в день Казанской иконы Божией Матери, установленный в память освобождения Москвы от поляков. Символика очевидная! Жаль только, что мы, вспоминая этот день, ставший государственным праздником – Днём народного единства, до сих пор не вспоминаем другой праздник – день провозглашения России империей.

И опять вспоминается Сталин, назначивший Парад Победы на праздник Пресвятой Троицы и отправивший принимать капитуляцию Квантунской армии полковника Ивана Артёменко, отец и дед которого защищали Порт-Артур, а мать была крестницей легендарного генерала Романа Кондратенко, павшего на бастионах крепости. Русские пришли за своим!

Это заставило меня по-иному взглянуть на преобразования Петра Великого и попытаться понять их смысл и в целом понять мировоззрение первого русского императора. Это сделать, действительно, очень трудно. К сожалению, негативное отношение к личности и деяниям Петра Великого засело очень глубоко в нашей общественной мысли. Петр Великий – западник, пренебрегал традициями, полонил Церковь. Такой стереотип глубоко укоренился в традиции национальной мысли. Вот возьмём такого серьёзного, образованного и глубокого мыслителя как отец Георгий Флоровский, его фундаментальную книгу «Пути русского богословия». Он всегда основателен и обстоятелен в своих суждениях, когда разбирает любого русского мыслителя или деятеля. Любого ...кроме Петра Великого. Тут он игнорирует и логику, и факты.

Глава книги «Петербургский переворот» наполнена откровенным передёргиванием смыслов и искажением логики. Флоровский пытается доказать, что смысл реформ Петра был даже не в западничестве, а в секуляризации, именно поэтому реформа Петра была не просто поворотом, но именно «переворотом». Опять повторяется мысль, что первый русский император имел «психологию революционера», хотел всё переменить «до неузнаваемости». Но в чём же этот переворот? Оказывается в том, что «всё должно стать и быть государственным, и только государственное попускается и допускается впредь». И где же тут переворот?!

Флоровский видит его в том, у Церкви не остаётся власти, что **«сама мысль о церковной независимости объявляется и обзывается «папизмом»**. И всё это он называет «полицейским государством», которое заводит и учреждает в России Пётр Великий. И это «полицейское мировоззрение развивается из духа Реформации». При этом Флоровский вступает в явное логическое противоречие, его Пётр был «человеком реформированного мира, хотя в быту и сохранял неожиданно много привычек и прихотей московской старины». Но автор не замечает этой логической неувязки и безапелляционно утверждает, что с Петра «начинается «вавилонское пленение» Русской Церкви».

Еще сильнее достаётся от отца Георгия Флоровского главному помощнику в деле Петровской церковной реформы архиепископу Феофану (Прокоповичу), который, впрочем, судя по изложению, вовсе не был исчадием ада, а просто имел, как и Царь, имперское мировоззрение. В своём «Духовном регламенте» Феофан объясняет необходимость учреждения Синода монаршим указом тем, что народ не будет рассчитывать «иметь помощь к бунтам своим от чина духовного». Очень верное замечание, **поскольку угроза срачивания революционеров с духовенством всегда и была главной угрозой**. По Флоровскому, Феофан веровал в абсолютность государства, что есть только власть, а всякие разговоры об особенной духовной власти – «папёжнический дух».

Однако книга отца Георгия Флоровского заставляет задуматься о ситуации в России и вокруг России, в которой оказался Пётр Алексеевич, став Главой государства, понять, чем были вызваны его реформы. Попробуем сформулировать главные смыслы Петровского царствования и Петровских преобразований, в моём понимании.

Во-первых, Пётр Алексеевич понимал, даже глубоко чувствовал, что Третий Рим, который он должен был сохранить и укрепить, должен быть мощной державой, империей в полном смысле слова. И на это превращение Московского царства в мощную державу были направлены все его усилия. К этому призывала его самая суть Третьего Рима. Очень метко об этом позднее напишет философ Александр Панарин: *«Максимализм православной идеи требует понастоящему сильного государства и по критериям внутренней сплоченности, и по критериям внешнеполитической мощи. Принцип симфонии царства и Церкви, определившийся в эпоху Юстиниана, требует, чтобы государство было достойным партнером Церкви в ее экклезиостическом дерзании. Речь идет о принципе, прямо противоположном западному принципу автономного гражданского общества – и от Церкви, и от государства. <...> Слабое, «минимальное» государство, о котором твердит западная либеральная традиция, неизбежно превращается в угодника и потатчика сильным и наглым, которые либо игнорируют власть, либо попросту покупают ее. Чтобы идти по пути наибольшего сопротивления – против интересов сильных и бессовестных, государство само должно быть сильным и централизованным, стоящим над противоборствующими общественными силами и интересами»*. **Стремление превратить государство в силу, способную решать поставленные Промыслом Божиим задачи быть Третьим Римом, и являлись главным мотивом действий первого русского императора**. Этим продиктованы все главнейшие преобразования Петра, нацеленные на создание мощной армии и флота, работоспособного административного аппарата, обеспечивающего внутреннее единство страны, развитие промышленности и торговли.

Во-вторых, Пётр Алексеевич столкнулся с сильнейшим влиянием католического Рима в России и «папёжническим духом» в самой Русской Церкви. И многие его действия объясняются именно стремлением ослабить этот дух властолюбия в православной иерархии.

Очень сильный удар по Русской Церкви нанёс Раскол. Помимо смуты в умах и действиях, ослабления иерархии, Раскол привёл к формированию недоверия к грекам, которые оказались активными участника-

ми сначала Никоновской «книжной справы», а потом и расправы над самим Патриархом Никоном. Дело дошло до того, что греческий язык стал обязательным для изучения в семинариях и духовных академиях только после реформы 1798 года, до того обязательной была только латынь. И это тоже последствие Раскола, в результате которого учителей семинарий, да и само духовенство и епископат набирали в основном из малороссиян («черкасс», на языке того времени), которые учились в латинских заведениях и даже те из них, кто сохранил православную веру в чистоте, по инерции переносили технологию преподавания, которая существовала в католических школах.

Можно предположить, что Пётр искал союзников среди протестантских держав не только исходя из тогдашней внешнеполитической конъюнктуры, но и решая внутривластные, в том числе церковные проблемы.

В-третьих, главный упрёк, который звучит в адрес первого русского императора из церковной среды, – отмена патриаршества, превращение Церкви в «государственное ведомство церковного исповедания». Всё это часто называют рождённым в недрах католической историографии термином цезарепапизм, которым католики, кстати, называли церковную практику в Византийской (Ромейской) империи. Отмена Патриаршества и учреждение Святейшего Синода традиционно считается едва ли не главным преступлением Петра Великого в глазах Церкви.

Давайте всё-таки вспомним, как это всё происходило. В октябре 1700 года умер Патриарх Адриан, занимавший патриарший престол десять лет. У Патриарха с Царём Петром были непростые отношения. Часто это объясняют тем, что Патриарх отказался постричь в монашество первую жену Петра Евдокию Лопухину. Но это, конечно, только деталь. Патриарх в целом был противником преобразований Петра. В результате вокруг Патриарха начал складываться кружок противников реформ, что грозило потрясениями в случае, если бы зашатался царский трон. Противники реформ с надеждой поглядывали на юного царевича Алексея Петровича, которого воспитывали на иных идеях. Царь, прекрасно помня урок никоновщины, видел опасность противостояния светской и церковной власти, поэтому после избрания Местоблюстителя патриаршего престола не торопился назначать выборы нового патриарха. Да и не было у него достойного кандидата.

Пётр очень уважал и любил святителя Митрофана Воронежского, но он был уже в преклонном возрасте и преставился в 1703 году. Царь лично приехал на его погребение, сам нёс гроб святителя. Но в среде иерархии не было больше Митрофанов, приходилось иметь дело с теми, кто был в реальности, вот и стал думать Пётр Алексеевич как обезопасить Третий Рим от властных амбиций иерархов.

Местоблюстителем Патриаршего престола стал малоросс, выходец из шляхетской семьи, получивший прекрасное образование (но в католических школах, для чего даже переходил в унию, а потом вернулся обратно) митрополит Рязанский Стефан (Яворский). Стефан был ярким противником протестантизма, составил яркое антипротестантское сочинение «Камень Веры», уважаемое многими сторонниками Православия. Но при этом он явно симпатизировал католичеству, поддерживал дружеские отношения с иезуитами, которые его активно защищали, некоторые даже считали Стефана тайным иезуитом. Местоблюститель Патриаршего престола, хотя и был чужим для консервативной московской церковной среды человеком, тоже оказался противником реформ Петра, который стремился поставить Церковь под контроль Государства. Митрополит Стефан симпатизировал царевичу Алексею, который по факту стал главой оппозиции реформам своего отца. Подозревали, что Стефан поддерживал политические планы царевича. Поддерживали его активно и Ватикан, и главное католическое государство того времени – Австрийская империя (царевич был женат на сестре жены австрийского

кесаря). Так причудливо сложилась историческая ситуация, что противники «западнических реформ» Петра Великого нашли себе союзников в лице ... католиков.

Война со Шведией, потребовавшая величайшего напряжения сил, военные походы и гражданские преобразования не позволяли Государю заняться тесно церковными делами. К тому же Пётр, видимо, долго обдумывал модель церковного управления, искал себе помощников в деле её реализации. В реальности Петру Алексеевичу приходилось выбирать между двумя малороссами архиепископом Псковским Феофаном (Прокоповичем), который, несомненно, тяготел к протестантизму и ненавидел «папёжнический дух», и митрополитом Рязанским Стефаном (Яворским). Позиция Феофана оказалась ближе Императору, ему импонировало имперское понимание Феофаном места Царя в Церкви.

В 1721 году был утверждён, составленный архиепископом Феофаном, «Духовный регламент», согласно которому вместо персонального учреждался коллегиальный институт патриаршества – Святейший Правительствующий Синод во главе с президентом, который вскоре стал называться Первоприсутствующим Членом. Первым главой Святейшего Синода стал Местоблюститель Патриаршего престола митрополит Стефан (Яворский), Феофан (Прокопович) возглавил Св. Синод уже после смерти Петра Великого. В сентябре 1723 года Константинопольский и Антиохийский патриархи особой грамотой признали Святейший Синод своим «во Христе братом», обладающим равным патриаршему достоинством. Таким образом, учреждение коллегиального Патриарха – Святейшего Синода – было признано законным церковной полнотой.

Нам важно понять, что учреждая Святейший Синод вместо института персонального Патриаршества Пётр Алексеевич стремился, прежде всего, на корню ликвидировать папистские амбиции иерархии, столь явно проявившиеся в деятельности патриарха Никона. Поскольку папистские властолюбивые амбиции, попытки церковной иерархии стать над царской властью сохранялись и после Никона, хотя и не в столь явной форме. По сути, Пётр Великий своим синодальным периодом спас Русскую Церковь от рецидива новой никоновщины.

В-четвёртых, наряду с учреждением Святейшего Синода вместо института Патриаршества первого русского Императора обвиняют в ликвидации тайны исповеди. Но тут нужно бы внимательно прочитать и сам текст Синодского указа от 17 мая 1722 года, а также понять контекст этой законодательной меры.

Уже само название указа заставляет задуматься, оно звучит так: «Об объявлении священником открытых им на исповеди преднамеренных злодейств, если исповедающиеся в оных не раскаялись и намерения своего совершить их не отложили». Получается, что речь идёт не о раскрытии как таковой тайны исповеди, а лишь только о тех случаях, когда исповедающийся не только не раскаивается в своём намерении совершить преступление против Государства или Государя, но и не отказывается от намерения это преступление совершить. Указ как раз и предписывает духовнику, как ему следует поступить, когда он узнает о готовящемся преступлении против Помазанника Божия и против Государства. Речь идёт о том, что злоумышляющие против государства, которое является Третьим Римом, – злоумышляют против Бога. А потому Царь должен их карать, а священник, как верный подданный Государя, должен ему помогать изобличить преступника. В тексте документа чётко всё прописано: «Дабы каждый священник ведал, что если кто при исповеди объявит духовному отцу своему некое неделанное, но еще к делу намеренное от него воровство, наипаче же измену, или бунт на Государя, ли на Государство, или злое умышление на честь или здравие Государево и на фамилию Его Величества, а объявляя толикое намеряемое зло, покажет себе, что не раскаивается, но ставит себе в истину и намерения своего не отлагает и не яко грех исповедует, но паче дабы

такое согласием или молчанием духовного (отца) своего в намерении своём утвердиться».

Речь, таким образом, идёт о такой ситуации, когда человек не осознаёт свои преступные намерения как грех и не раскаивается в своём преступном намерении, а собирается его осуществить. Больше того, поскольку он не раскаивается, то он и не ожидает, что священник разрешит его от этого греха. По сути, преступник втягивает духовника в свой преступный умысел. Вот как нужно понимать смысл этой законодательной меры. Речь вовсе не о кощунственной попытке отменить тайну исповеди и сделать публичными личные грехи человека, которые он исповедует духовнику.

В-пятых, у многих вызывает смущение обилие иностранцев на государственных постах в Петровское время. Это служит одним из доказательств западничества Петра Великого, его стремления потакать Европе и даже отдать Россию в плен Западу. Хотя в составе новой петровской элиты ключевые позиции занимали всё-таки коренные русаки (Меншиков, Апраксин, Головкин, Голицын, Стрешнев, Шереметев, Чернышёв, Прозоровский, Ромодановский и др.), в её составе было, действительно, немало иностранцев. Причём, в большинстве своём – иноверцев. И русским православным людям приходилось повиноваться иностранцам, служить под началом иноверцев. Это была смелая новация по тем временам, когда вероисповедание было главным элементом идентичности.

Похоже на то, что Пётр Алексеевич сознательно стремился подчинить русских иностранцам. Зачем он это делал? Думаю, таким образом он хотел смирить народ, вышедший из границ в неистовой борьбе времён Раскола. Для смирения народа, для изжития русской гордыни, которая была одной из важных причин Раскола, и нужны были начальники – иностранцы и иноверцы. В этом можно увидеть реализацию в государственной политике первой заповеди блаженства – «блаженны нищие духом». Царь Пётр напоминал своим подданным заповедь Спасителя: «Кто хочет быть первым, будь из всех последним и всем слугою» (Мк. 9:35). На мой взгляд, подчинение русских иностранцам – гигантская воспитательная мера первого русского Императора, которая должна была смирить русскую гордыню, так явственно проявившую себя в Расколе и старообрядческом изоляционизме.

В-шестых, Петра Алексеевича обвиняют в том, что он не жалел людей, что Петербург построил на костях и проч. Да, петровские преобразования потребовали сильнейшего напряжения народных сил. Даже перенапряжения, неслучайно после смерти Петра общество потребовало отдыха. Действительно, и жертв было много. Но недопустимо оценивать эпоху начала XVIII века, исходя из категорий позднейшего времени. И сам царь Пётр, как и современные ему православные русские люди, не мыслили категориями последующей эпохи просвещения и гуманизма. Император мыслил категориями служения Третьему Риму и организации духовного спасения вверенного ему Богом народа, а не категориями народосбережения, которые появились позже с развитием идей гуманизма.

В-седьмых, думаю, что понять некоторые деяния Петра, мы можем только тогда, когда поймём, что он часто юродствовал, был юродивым на престоле, как, кстати, и первый русский Царь Иоанн Васильевич Грозный. К примеру, Всецарнейший и всецарейший собор, который вызывает прямые ассоциации со скоморошеством, нужно воспринимать именно как юродство Царя, как пародию на папистские амбиции современной ему православной иерархии, а вовсе не как кощунство, издевательство над Церковью и духовенством. Этим своим юродством Пётр Алексеевич высмеивал не только папистские амбиции иерархии, которая тяготилась зависимостью от Царя, но и эсхатологические настроения старообрядцев, которые проповедовали, что «наступили последние времена», что «на престоле царь-антихрист», что «настоящего

царя подменили». Ситуация была предельно острая: Пётр строил новую Россию по старому образцу, а тут старообрядцы со своей убивающей всякую государственную энергию эсхатологией. Поэтому так жестоко подавлял Пётр старообрядческие бунты: и стрелецкий, и казачий (булавинский).

Как юродство нужно воспринимать и угрозу Петра Великого Римско-Папе, что он готов принять мусульманство, что пытаются использовать для доказательства религиозного релятивизма Императора. Царь понимал, что Рим, провозглашая идею «крестового похода против неверных», на самом деле стремился только к власти и вовлечению России в антиисламский альянс, чтобы загрести жар чужими руками, чтобы русской кровью защититься от турок.

И наконец, последнее. По сути, Пётр в своей политике реализовывал своё понимание принципа соборности, которое заключалось не в сосуществовании светской и церковной власти, а в необходимости для всех граждан Третьего Рима Государевой службы.

Пётр на дух не принимал католическое учение о Церкви, точнее о двух церквях – церкви учащей (духовенство) и церкви учащейся (миряне), которые даже и причащались разным чином. Отсюда его отношение к монашеству, которое его критики называют политикой секуляризации. Царю говорили, что монахи нужны, чтобы молиться, а он отвечал, что все должны молиться. Но еще должно быть участие в соборном деле укрепления Государства, которое является Третьим Римом.

Первый русский император исходил из того, что государева служба – не просто чиновничья, воинская или иная какая-то повинность, но служба Третьему Риму, Катехону, Удерживающему. Служба государству, по мысли Царя, является религиозной обязанностью. Пётр, фактически, всех закрепостил в крепость Государству, и первым делом самого себя сделал первым крепостным Третьего Рима. В его понимании, каждый должен тянуть свою лямку на своём месте, а попытка убежать от этой крепости, улизнуть от этой лямки являлась настоящим преступлением перед Богом. И он не щадил никого, даже собственного сына. Когда Пётр увидел, что Алексей не только не проявляет усердия к государевой службе, но и пытается противодействовать преобразованиям своего великого отца, он пригрозил ему лишением всех прав, полученных при рождении. А для убедительности в серьёзности своих намерений написал, сам он **«за Моё Отечество и люд живота своего не жалел и не жалею**, то како могу Тебя непотребного пожалеть».

Я не пытаюсь идеализировать первого русского Императора, конечно, у него были грехи, которые трудно оправдать. Самый явный – жизнь в блуде с его второй супругой будущей Императрицей Екатериной Алексеевной, с которой он обвенчался только в 1712 году, а две дочери Анна и Елизавета родились в 1708 и 1709 годах (почему Елизавете пришлось брать престол силой, путём переворота). Но это – личные грехи Царя, за которые Господь наказал его еще при жизни – пять детей (три девочки и два мальчика), которые родились после венчания, умерли в младенчестве и детстве. Но личные грехи царей нам разбирать неуместно, со своими бы разобратся.

Что же касается первого русского Императора как правителя, можно сказать, что Пётр Великий был консервативным православным правителем, благодаря его трудам Россия стала соответствовать тому предназначению, которое ей предписано Промыслом Божиим – быть Катехоном. Если бы не Пётр Великий, Россия перестала бы быть Удерживающим, и дверь для врага рода человеческого была бы открыта.

Ну а завершить стоит оценками великих.

Вот слова из пушкинского стихотворения «Стансы», где гениальный Пушкин в 1826 году буквально в двух строках дал исчерпывающее определение значению Петра Великого: *«Не презирал страны родной:// Он знал ее предназначенье».*

И еще важная оценка преподобного Серафима Саровского: «О Пётр! То был Царь из Царей, за что по праву Великим и Отцом Отечества наречен был!»!

И довольно пространная характеристика старца иеросхимонаха Сампсона (Сиверса), которого многие почитают как святого прозорливца: «Он сохранил Православие, Он строго берёт Православие. Что Он хотел ввести не Православие, а протестантство – это клевета. Сам он ходил в Русскую Церковь. А как государственный деятель – Он величайший, величайший. Он создал Флот! Он создал Армию! Он защитил Россию от силы «Запада»! Мы были бы губернией в лапах немцев... Великий человек! Огромной воли человек! Он спас Россию от шведов... Он понимал, что нас превратить в колонию очень просто. И шведы мечтали об этом. Да! Какой же у шведов был флот, какая была армия. А у нас ничего не было. Бог сохранил Русь, чтобы она не была колонией. Не было чугуна. Пришлось снимать колокола и строить пушки. Он снимал колокола на пушки. Надо было защищать Родину от шведов, от турок. Величайший человек!»!